

Ангелина
БИМА

МОЯ

КАРМА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Анастасия Бима

Ты моя карма

<https://litres.ru/74594794>

Аннотация

♥#Новинка про врачей и развод!

Загодочный миллионер
героиня в беде

Саманта Холл, звезда шоу и мюзиклов, приходит в себя на пустынном пляже после крушения яхты.

Изнаненная и дезориентированная, она видит обломки судна, подарка человека, который, когда-то называл её богиней, а теперь превратился в её главного врага.

Воспоминания о ссоре и угрозах Джефффри смешиваются с болью и отчаянием: Саманта не знает, стала ли жертвой аварии или преднамеренного преступления.

Вскоре героиня с тревогой осознаёт, что остров, на который её выбросило, принадлежит загадочному миллионеру, и эта деталь лишь множит вопросы.

Кто он такой и почему его владения скрыты от чужих глаз?
И что теперь будет с ней?

Содержание

1	4
2	8
3	11
4	15
5	19
6	25
7	29
8	35
9	41
10	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Она просыпается от того, что не может дышать.

Легкие забиты песком, который хрустит на зубах, когда она пытается сделать вдох. Вкус железа и соли. Рвота выходит вместе с водой, оставляя на белом песке бурое пятно.

Голова раскалывается, будто кто-то изнутри пытается выбить дверь ее черепа кувалдой.

Саманта Холл переворачивается на спину.

Небо над ней странного, перламутрово-серого цвета.

Оно кружится.

Или это кружится она?

Рядом с ней, в десяти метрах, лежит обломок того, что когда-то было носовой частью яхты. «Афродита». Подарок Джефффри.

Она помнит, как он целовал ее в висок, когда вручал ключи. «Ты моя богиня, Сэмми. Ты заслуживаешь этого». А потом были те удары в каюте, когда она отказалась подписывать бумаги о неразглашении. Джефффри Блэквуд, ее продюсер, ее «ангел-хранитель», решил, что раз она уходит из его шоу, она не уйдет отсюда вообще.

Яхта налетела на риф.

Или ее взорвали?

Саманта не помнит. Помнит только стекло, летящее в лицо, и его крик:

- Если не я, то никто!

Она садится, обхватив колени руками.

На ней только рваная шелковая ночная сорочка, которая

когда-то стоила тысячу долларов. Теперь она похожа на грязную тряпку. Левая нога неестественно вывернута, и при попытке встать острая боль пронзает позвоночник. Она падает обратно и смеется. Сначала тихо, а затем все громче. Истеричный, каркающий смех на пустом пляже.

- Ну и попала, Сэмми, - шепчет она. - Из одной клетки в другую. Только здесь решетки из пальм.

Она подползает к кромке воды. Море успокаивается, словно огромный серый зверь, уставший рвать ее на части. Прилив приносит новые обломки: деревянный ящик, пластиковую бутылку, чью-то туфлю. Саманта хватается бутылку, набирает в нее пресной воды - дождевой, скопившейся в углублении камня. Пьет жадно, обжигая горло.

Остров встречает ее гулом. Тропики. Тяжелый, влажный воздух, в котором каждый звук кажется приглушенным ватой. Где-то в джунглях орет примат - гортанно, требовательно. Саманта замирает. Она смотрит в чашу.

- Эй! - кричит она. Голос срывается, превращаясь в хрип.
- Есть кто живой?

Тишина. Только ветер шевелит листву, обнажая темную, маслянистую зелень.

Никого. На первый взгляд ни души.

Дикий, нетронутый рай. Или ад?

Зависит от того, что внутри нее.

Она пытается встать, опираясь на обломок доски. Боль в лодыжке адская, но она терпит. За пять лет с Джеффри она

научилась терпеть. Терпеть его случайные тычки в гримерке, его острые шутки про ее вес, его контроль над каждым ее шагом.

Она была куклой в его ток-шоу «Утро с Блэквудом».

Смеялась, когда надо, плакала по сценарию. Ее лицо знала вся страна, но она сама забыла, как оно выглядит без слоя грима.

Саманта делает шаг в джунгли.

Лианы свисают, как щупальца, цепляясь за ее волосы.

Она пробирается сквозь папоротники, оставляя кровавый след на мху. Нога пульсирует. Она думает о том, что если здесь никого нет, она умрет. Или, что еще хуже, если есть дикие звери, она умрет быстрее.

Но в голове звучит голос Джеффри:

- Ты никчемная актриса, Сэмми. Без меня ты ноль.

Она стискивает зубы.

- Пошел ты, - выдыхает она в лицо паутине. - Я выживу. Назло.

И тут она видит это.

Книга участник литмоба "только ты и моя ненависть"

https://litnet.com/shrt/_Is9

Среди девственной зелени идеально ровная дорожка.
Вымощена камнем.

Не просто камнем, а плиткой под мрамор.

Саманта замирает.

Она трет глаза грязными пальцами.

Дорожка уходит вглубь острова, обрамленная аккуратно подстриженными кустами, которые здесь не могут расти в дикой природе.

Над головой что-то жужжит. Она поднимает глаза. Дрон. Маленький, серебристый, абсолютно бесшумный.

Он висит над ней, светит красным глазком камеры.

Саманта инстинктивно прикрывает грудь руками.

- Что за черт? - шепчет она.

Дрон пиликает.

Динамик на нем воспроизводит механический, спокойный голос:

- Обнаружено тепловое излучение. Идентификация: человек, женский пол, возраст 25–30 лет. Множественные травмы. Уровень стресса критический. Следуйте по тропе. Ожидайте помощь.

Дрон разворачивается и летит вперед, словно приглашая ее за собой.

Саманта колеблется.

Она не доверяет машинам. Она не доверяет людям. Но нога болит так, что темнота начинает плыть перед глазами. Выбора нет.

- Веди, железяка, - бормочет она.

Она долго пробирается по джунглям, отбивается от мош-кары и жуков. Озирается по сторонам от страха. Но час назад она чуть ен утонула, ее чудом выбросила на берег на како-то деревянной балке. Это ли не чудо? Бог хотел подарить ей шанс на жизнь.

Дом появляется внезапно.

Он не вписывается в джунгли, он парит над ними.

Стеклянный куб на огромных бетонных сваях, уходящих в землю.

Футуристичная архитектура, зеркальные стены, отражающие небо.

Это похоже на космический корабль, упавший в рай.

Саманта стоит у подножия лестницы, запрокинув голову. Дрон уже улетел, и теперь тишина давит на уши. Она слышит, как стучит ее сердце.

- Это розыгрыш? - спрашивает она воздух. - Джеффри, если это твоя новая херня, выходи. Я убью тебя голыми руками.

Никто не выходит.

Конечно, он остался там на яхте. И у нее только два варианта: либо он погиб, либо спасся на заранее приготовленной шлюпке, а ее хотел убить.

Он это все заранее продумал!

Саманта трет переносицу. Ей плохо от этих мыслей. Ее продюсер, и любовник сошел с ума?

Иного объяснения нет.

Яхта не могла сама взорваться.

Двери дома бесшумно раздвигаются.

Она, выдохнув, шлепает голыми ступнями по мраморным ступеням. Шаг, второй. Третий.

Внутри прохлада, чистота.

Саманта переступает порог.

Пол из темного дерева, светлые стены, минимум мебели.

Панорамные окна открывают вид на океан и джунгли. Дом пустой. Абсолютно пустой.

- Алло? - кричит она. – Есть кто живой? Помогите!

3

Голос разносят динамики, встроенные в стены. Эхо гуляет по холлу. Внезапно пол под ее ногами начинает светиться. Линия света бежит от порога к центру комнаты, где из пола выдвигается кресло-капсула. Высокотехнологичное, эргономичное.

- Прошу вас присесть, - говорит тот же механический голос. - Медицинский модуль проведет диагностику.

Саманта смотрит на кресло, как на змею. Но боль в ноге нестерпима. Она садится, и кресло мягко обхватывает ее тело, фиксируя шею. Из подлокотников выезжают сенсоры, сканируя ее лодыжку.

- Вывих третьей степени. Гематомы. Множественные порезы. Высокое содержание соли в организме. Рекомендуются покой и регидратация.

Ей в плечо входит тонкая игла. Саманта дергается, но механизм держит ее крепко. Секунда - и боль в ноге начинает уходить. Спазм снимает как рукой. Она выдыхает, расслабляясь. Голова все еще кружится, но паника отступает.

- Кто ты? - спрашивает она у стен.

- Я - Афина, - отвечает голос. - Искусственный интеллект, управляющий резиденцией «Эдем». Мистер Арейс будет через двадцать минут. Он вышел на связь. Он ждет вас.

- Мистер Арейс? - хмурится Саманта. - Погоди, у меня

пять лет был продюсер-психопат. Я не доверяю незнакомцам, особенно мужчинам, которые прячутся за технологиями. Он здесь живет?

- Мистер Арейс является владельцем острова, - отвечает Афина бесстрастно. - Он предпочитает уединение.

- Отшельник-миллиардер? Классика, - усмехается Саманта. - Наверное, коллекционирует таких вот тонущих девиц.

Она пытается встать, но кресло пристегивает ее ремнем.

- Рекомендую сохранять неподвижность до прибытия мистера Арейса.

- Отпусти меня, железяка! - Саманта бьет кулаком по подлокотнику. - Я не люблю, когда меня держат.

В этот момент свет в холле меняется. Из коридора доносится мягкий, уверенный шаг. Саманта замирает, вслушиваясь. Шаги приближаются, и в дверном проеме появляется высокая фигура.

Он не похож на отшельника. У него седина на висках, но лицо молодое, лет сорок. Сильная челюсть, острый взгляд серых глаз. Он одет в простую черную футболку и брюки карго. Никакого пафоса, никаких украшений. Но в нем есть что-то неуловимое - аура человека, который привык отдавать приказы.

Том Арейс смотрит на Саманту без улыбки. Его взгляд - изучающий, холодный. Он переводит его на ее лодыжку, затем обратно на лицо.

- Здравствуйте, - говорит он ровно, без эмоций. - Прошу

прощения, что Афина проявила инициативу с фиксацией. Она запрограммирована на сохранение жизни, а не на комфорт. Я Том.

- Саманта, - отвечает она, вызывающе глядя на него. - Ты можешь сказать своей подружке-роботу, чтобы она отстегнула меня. Я уже взрослая девочка.

Том щелкает пальцами, и ремень убирается.

Саманта потирает запястья, не сводя с него глаз.

Она ждет подвоха.

Она ждет, что сейчас он начнет требовать благодарности, или, еще хуже, распускать руки. Но Том просто проходит мимо нее к панорамному окну и стоит спиной к ней.

- Вы попали в шторм? - спрашивает он, глядя на горизонт.

- Меня выбросило за борт, - говорит она резко. - Ты тут один живешь?

- Один, - кивает он.

- И никого не боишься? - усмехается Саманта. - Остров, джунгли, полный вакуум? Боишься, что тебя найдут?

Том медленно поворачивается. Его глаза сужаются. Впервые в его голосе появляется сталь.

- Я здесь, потому что я так решил, - говорит он. - Я устал от людей, Саманта. От их лицемерия, шума и ненужных вопросов. Если вас это пугает - к югу от пляжа есть еще одна бухта. Там стоит старая хижина с мачете и консервами. Можете уйти.

Саманта смотрит на него в упор.

Она видит, что он не блефует.

Он и правда готов вышвырнуть ее обратно в джунгли.

Это отрезвляет.

Она опускает глаза.

- Извини, - выдавливают она. - Я просто... Я не привыкла к доброте. Она всегда с подвохом.

Том молчит.

Затем он берет стул из-за стола, садится напротив нее на расстоянии трех метров - безопасная дистанция.

- Расскажи, - коротко бросает он.

- Тебе зачем? - огрызается она.

- Мне скучно, - пожимает плечами Том. - И мне нужно знать, кого я приютил. Напакостишь - выгоню.

Саманта фыркает.

Она смотрит на его сильные руки, на шрам на его левом предплечье.

Такой же шрам был у ее отца, когда он ремонтировал машину.

Том движется как хищник - плавно, экономно. Но в его глазах она не видит похоти. Она видит усталость. Бесконечную, тяжелую усталость, которая прячется за маской спокойствия.

Она начинает говорить.

Медленно, сбиваясь. Про Джеффри. Про кастинги. Про то, как он ломал ее волю маленькими шагами: сначала заставил похудеть, потом изолировал от друзей, потом стал бить. Она говорит о том, как ток-шоу превратилось в ее тюрьму, где она улыбалась, пока внутри умирала. И о том, как она сбежала на его яхте, украла ключи, не зная даже куда плывет.

Том слушает молча. Он не перебивает. Он не выражает сочувствия. Только когда она замолкает, вытирая слезы, которые ненавидит в себе, он произносит:

- Я понимаю это. Чувствовать себя пустым местом в комнате, полной людей.

- Ты тоже был в абыюзе? - спрашивает она дерзко, надевая маску цинизма.

- Нет, - качает он головой. - Моя жена умерла. И дочь. Авария. Я был за рулем.

Саманта застывает.

Стеклянный дом вдруг перестает казаться ей ультрасовременным бастионом. Он превращается в мавзолей.

- Мне жаль, - шепчет она.

- Не надо, - резко обрывает он. - Я не ищу жалости. Я здесь, чтобы забыть. Или не забыть. Еще не понял.

Встает. Достает из мини-бара бутылку воды. Протягивает ей.

Саманта берет, обжигаясь о холод стекла. Их пальцы почти соприкасаются. Она отдергивает руку, словно обжегшись.

- Ты боишься мужчин, - констатирует Том.

- А ты боишься женщин, - парирует она.

Уголок его губ дрогнул. Это не улыбка, но близко.

- Пожалуй, - соглашается он.

Три дня Саманта не выходит из отведенной ей гостевой комнаты.

Это идеальный номер: кондиционер, мягкая кровать, ванна с гидромассажем.

Еду приносит маленький робот-официант на колесиках, который называет ее «Мисс Сэм». Она кормит его с руки, проверяя, не отравит ли. Но еда вкусная - свежие фрукты, рыба, рис. Том не беспокоит ее. Только раз в день Афина сообщает, что «Мистер Арейс желает знать, комфортно ли вам».

На четвертый день Саманта выходит в общую гостиную.

Том сидит в кресле с планшетом, пальцем разматывая бесконечные ленты графиков. Она видит цифры - биржевые сводки, контракты.

- Миллиардер работаешь? - язвительно спрашивает она, садясь напротив.

Том не поднимает глаз.

- Кто-то должен платить за электричество для этого рая,
- отвечает он сухо.

- И сколько у тебя денег? - нагло спрашивает она. - Если не секрет. Просто интересно, как выглядит счастье в цифрах.

Том откладывает планшет.

Он смотрит на нее внимательно, изучая.

Она сидит в его футболке, на босу ногу. Волосы грязные, но глаза горят. Дерзкая, неуправляемая.

- Достаточно, чтобы купить этот остров десять раз, - говорит он. - Но на *счастье* этого не хватило, как видишь.

- Ой, да ладно, - фыркает она. - У тебя есть все. Дом-робот, дроны, деньги. Ты бог. Чего тебе еще?

Том встает резко. Она вздрагивает - старая привычка. Но он не делает шагов к ней, а идет к огромному панорамному окну.

- У меня есть *это*, - он обводит рукой дом. - Но у меня нет голоса дочери. Нет смеха жены. Я плачу Афине за то, чтобы она моделировала их голоса, Саманта. Я разговариваю с призраками.

Стекло отражает его лицо. Саманта видит, что его челюсть сжата, а в глазах - мука. Она подходит к нему осторожно, останавливается в шаге, не касаясь.

- Прости, - говорит она тихо. - Я не знала.

- Откуда тебе знать, - он поворачивается к ней. - Я выгляжу как камень. Мне все равно. Но если ты будешь здесь жить, пока мы не пришлем за тобой корабль... давай договоримся. Не жалею меня. Я не выношу жалости.

- Договорились, - кивает она. - Но ты тоже не жалею меня.

Я выжила пять лет с монстром. Я - прочная.

Он смотрит на нее, и вдруг в воздухе между ними пробегают искра. Не романтическая. Ток. Понимание двух людей, которые научились не верить всему, что видят.

- Ты знаешь, кто я? - спрашивает он.

- Том Арейс. Миллионер. Отшельник. Немного робот сам по себе, - перечисляет она на пальцах.

- Я создатель «Афины», - говорит он. - Моя компания - «Эдем-Тех». Мы строим умные дома для сверхбогатых. Но я ушел из публичности. Я удален. В мире думают, что я умер.

Саманта присвистывает.

- Солидный некролог.

- Твоя дерзость - защита, - говорит он спокойно. - Я знаю это. Так же, как мое молчание - защита.

Приглашаю в книгу литмоба!

"Сбежать, чтобы полюбить"

от Лара Читай

<https://litnet.com/shrt/N4mu>

Она хотела съязвить - привычная броня, наработанная годами, - но язык прилип к нёбу. Он прав. Она разучилась быть мягкой.

С Джеффри мягкость была признаком слабости, за которую она платила синяками под рёбрами и унижительными молчаливыми завтраками, когда он смотрел на неё как на бракованный товар.

Каждое её «я боюсь» превращалось в его оружие.

Каждое «я хочу» - в повод для насмешки. Теперь её тело помнило это лучше, чем мозг: стоит кому-то произнести тёплое слово, как спина немеет в ожидании удара.

- Я не умею быть другой, - признаётся она, и голос её звучит глухо, словно из-под воды.

- И не надо, - говорит Том, и в его интонации нет ни капли фальши. - Здесь нет зрителей. Нет рейтингов. Нет сценария. Есть только ты, я и этот шум за окном. Этого достаточно.

Она смотрит в его серые глаза - они не бегают, не ищут выгоду, не примеряют её на роль жертвы.

Он просто смотрит. Как на равную. И от этого становится страшно по-настоящему, потому что она не знает, что делать с таким отношением.

Солнце встаёт над джунглями оранжево-розовым взры-

вом, и свет просачивается сквозь стеклянные стены, ложась золотыми полосами на её подушку.

Саманта просыпается от запаха влажной листвы и жареного хлеба - робот-пекарь уже вовсю трудится на кухне.

Она лежит, глядя в белый потолок, и с ужасом осознаёт: она думает о нём. О том, как он двигается - бесшумно, точно хищник, которого ничто не тревожит.

О том, как его пальцы, тонкие и сильные, касаются клавиш планшета.

О том, как он вчера поправил очки - простые, в чёрной оправе, - когда изучал чертежи нового дрона.

Жест, который ничего не значил для него, но для неё стал катастрофой.

Я хочу его узнать, - проносится в голове, и она тут же даёт эту мысль, как гадкую букашку.

- Нет, - говорит она вслух пустой комнате. - Нет, нет, нет. Я клялась. Я дала себе слово. Никаких мужчин. Никаких «особенных». Все они одинаковые. Сначала мёд, потом кнут.

Она зажмуривается, пытаясь вызвать в памяти лицо Джеффри - его гладкую, фальшивую улыбку, его руки, которые сжимали её запястья так, что оставались синяки на несколько недель.

Но лицо расплывается, и вместо него проступает другое - с сединой на висках, с морщинками в углах глаз, которые появляются только тогда, когда он смотрит на закат. Она злится на себя.

Она не имеет права.

Она ещё не вылечилась.

Но Том другой.

Он не лезет. Он не давит. Он просто существует рядом, как скала, которая не рушится. Он не задаёт вопросов, если она молчит. Не трогает, если она отворачивается.

Саманта сдаётся.

Она встаёт, идёт в душ, позволяет горячей воде смыть остатки сна.

Когда она выходит на террасу, он уже там - сидит на краю бетонной плиты, свесив босые ноги вниз, в зелёную бездну.

В руке у него кружка кофе, пар поднимается в прохладный утренний воздух. Он не оборачивается, но она знает, что он слышал её шаги.

Она садится рядом, почти касаясь его плечом.

Внизу - джунгли.

Они шумят, поют, переливаются тысячью голосов: цикады стрекочут, птицы перекликаются, где-то в глубине ухает обезьяна.

Воздух тягучий, как мёд, смешанный с йодом и цветами. Она вдыхает его полной грудью, и впервые за долгое время ей не хочется бежать.

- А ты не хотел бы, чтобы кто-то разделил с тобой это? - спрашивает она тихо.

Он поворачивает голову, и его взгляд скользит по её лицу - не оценивающе, а скорее удивлённо, будто она спросила

что-то неожиданное.

- Это? - он обводит рукой пейзаж, широким жестом охватывая и джунгли, и океан, и своё стеклянное королевство. - Ты про джунгли? Про одиночество?

- Про тишину, - уточняет она и чувствует, как её собственные слова повисают в воздухе, тяжёлые и важные.

Том молчит.

Долго.

Так долго, что она уже начинает думать, не обидела ли его.

Но он просто смотрит на линию горизонта, где небо встречается с водой, и его пальцы сжимают кружку чуть крепче.

- Боялся, - наконец выдавливает он, и голос его хриплый, будто он долго не говорил. - Думал, что если кого-то впущу, то снова потеряю. А я не переживу третью потерю. У меня нет больше сил хоронить людей, которых я люблю.

Она не знает, что ответить.

Слова кажутся пустыми.

Вместо этого она протягивает руку и накрывает его пальцы своими. Просто так. Без заигрывания. Без расчёта.

Она хочет, чтобы он почувствовал, что она здесь, что она настоящая, что она не исчезнет, как туман.

Он застывает, затем медленно переводит взгляд на их сплетённые кисти.

Его лицо каменеет - это защита, она узнаёт её мгновенно, потому что сама пользуется той же маской.

Но руку он не убирает.

Наоборот, его пальцы чуть смыкаются, осторожно, вопросительно, словно он боится спугнуть птицу.

- Слушай, - говорит она, глядя прямо перед собой, потому что если посмотрит на него, то разревётся. - У меня тоже страхи. Боюсь, что меня используют. Боюсь, что я никто без сценария, без камер, без чужих глаз. Боюсь, что если я перестану играть роль - останусь пустым местом. Но знаешь, когда я смотрю на тебя... я думаю, что мы оба просто пытаемся доказать, что мы живы. Что мы ещё не окаменели внутри.

- Саманта... - начинает он хрипло.

- Тсс, - она прикладывает палец к его губам, чувствуя, как его дыхание обжигает кожу. - Не надо слов. Ты миллионер, ты все можешь купить. Любой остров, любой корабль, любой покой. Кроме меня. Запомни: я не верю тебе. Я не верю деньгам. Деньги портят людей, я видела это сотни раз. Но я чувствую тебя. Ты сломлен? И я. Я боюсь, что он найдет меня. Я думаю, скоро начнется спасательная операция - или по-настоящему, или для вида. Ведь журналисты захотят знать утонула ли я. И вот тогда будет интересно...

- А ты для них утонула? Или?

- А есть вариант или?

Он хмыкает.

- У меня есть возможности для любых вариантов. Вопрос надо ли?

- Вопрос цены?

- С этим мы сочтемся. Думай.

*Приглашаю в книгу литмоба!
Ловушка для двух незнакомцев
Диана Барокко
<https://litnet.com/shrt/xE2C>*

6

Ночью на остров обрушивается шторм.

Ветер воет за стеклянными стенами, молнии бьют в воду, будто сам океан пытается смыть «Эдем».

Саманта не спит. Она идет в кабинет Тома.

Он стоит у окна, освещенный вспышками. На нем мокрая майка - он только что был снаружи, проверял генераторы. Волосы мокрые, прилипли ко лбу. Он не оборачивается.

- Знаешь, - говорит она, входя. - Я плыла на яхте, думая, что погибну. Я была готова умереть. Но оказалась здесь, на этом острове. С тобой. И вдруг я *хочу* жить.

Он поворачивается.

Глаза горят.

В них больше нет льда.

- Ты не представляешь, что ты сделала со мной, - говорит он глухо. - Я не видел цвета пять лет. Все было серым. А ты ворвалась, как ураган. Ты орешь, ты споришь, ты смеешься, ты... пахнешь морем.

Он делает шаг вперед.

Она не отступает.

- Я не верю тебе, - напоминает она, глядя прямо в глаза. - Ты - бог. Ты можешь все. А я - никто. Ты можешь устать и выбросить меня, как старую куклу.

- Я не он, - резко говорит Том. - Не сравнивай меня с этим

ублюдком.

- Докажи, - шепчет она.

И тогда он делает то, чего она боится больше всего - он подходит и кладет руки ей на плечи. Не сжимает, не тянет. Просто держит.

- Я не буду тебя трогать, - говорит он. - Пока ты сама не попросишь.

Она смеется сквозь слезы. Дождь за окном усиливается.

- Глупо, - говорит она. - Мы же взрослые люди.

- Значит, глупая, - пожимает он плечами.

Она тянется к нему сама. Первая.

Ее поцелуй - дерзкий, соленый.

Он отвечает сдержанно, почтительно, словно боясь сломать.

Он миллиардер, но перед ней он робеет.

- Я не знаю, что будет завтра, - говорит она, отстраняясь.
- Но я здесь. Сейчас. Я с тобой. Ты pomoжешь мне?

Она стояла в его руках, чувствуя, как медленно затихает шторм за стеклом - или это просто перестало иметь значение. Её пальцы всё ещё касались его плеч, губы горели от поцелуя, и в груди разрасталось что-то тёплое, почти забытое. Она ждала его ответа. Ждала, что он скажет «да», прижмёт крепче и они останутся так до утра.

Но Том вдруг замер. Его руки, только что лежавшие на её талии, мягко, но настойчиво сжали её плечи и отстранили ровно на полшага. Он сделал это сам. Аккуратно, без рывка,

но решительно. Саманта моргнула, не понимая. Боль кольнула где-то под рёбрами - старый рефлекс: «снова отталкивают, снова я лишняя».

- Том? - её голос дрогнул.

Он не смотрел ей в глаза. Он перевёл взгляд на их руки, потом на окно, где дождь начинал стихать, и провёл ладонью по лицу устало, тяжело.

- Прости, - сказал он хрипло. - Не сейчас. Не так.

Она отступила на шаг, скрестила руки на груди - защитная поза, которую она носила годами.

- Что значит «не так»? Ты передумал? Я же сказала, я не требую обещаний. Я просто хочу быть здесь. С тобой.

- Я не передумал, - он поднял на неё глаза, и в них больше не было пламени - только пепел, смешанный с тревогой. - Но я не могу прикоснуться к тебе, не зная всей правды. Ты просишь помощи, Саманта. Ты говоришь, что хочешь жить. Но я не знаю, от чего ты бежишь. Я знаю только обрывки: продюсер, абьюз, яхта. Этого мало. Если я возьму тебя за руку, я хочу знать, кого я защищаю. И от кого.

Она хотела огрызнуться, сказать что-то колкое - привычная маска. Но он смотрел так серьёзно, так открыто, что все колючки рассыпались. Она вздохнула, опустилась на край его рабочего стола, обхватив себя руками.

- Ты прав, - тихо сказала она. - Ты заслуживаешь знать. Но это долгая история.

- У нас вся ночь, - он кивнул на кресло, сел в него напро-

тив, не приближаясь, и сложил руки на коленях. - Я слушаю.

Саманта замолчала, собираясь с мыслями. Шторм за окнами действительно утихал - гром гремел уже где-то далеко, дождь превратился в ровный, почти убаюкивающий шум. Она начала говорить, и голос её был ровным, будто она читала чужой сценарий.

- Меня зовут Саманта Холл. Тебе это имя ни о чём не говорит, и это прекрасно. А для всей страны я - Сэмми, та самая девушка с ток-шоу «Утро с Блэквудом». Я пришла туда пять лет назад, совсем зелёная, без опыта, но с горящими глазами. Джефффри Блэквуд - продюсер и ведущий - разглядел во мне «алмаз». Он говорил, что я умею плакать по команде и смеяться как ребёнок. Он сделал из меня звезду. Он купил мне квартиру, машину, одежду. Я думала, что это любовь.

Она горько усмехнулась.

Рай без вай-фая

Аделаида Дрозд

<https://litnet.com/shrt/bqn3>

- Он был старше на пятнадцать лет. Умный, обаятельный, все его обожали. А за закрытыми дверями он превращался в монстра. Сначала это были «шутки» при съёмочной группе - про мой вес, про мою глупость. Потом он начал проверять мой телефон, мои соцсети. Потом - удары. Несильные, «воспитательные». Он говорил, что я должна быть идеальной, потому что он вложил в меня миллионы. И я верила. Я верила, что без него я - ноль. Что никто не возьмёт меня на работу, что моя карьера - только его заслуга. Он изолировал меня от друзей, от семьи. Заставил подписать контракт, где я была его собственностью на десять лет.

Она замолчала, сглотнула. Том сидел неподвижно, но его челюсть была сжата, а пальцы впились в подлокотники.

- В последний год он стал ещё хуже. Я перестала есть, потому что он говорил, что я толстею. Я перестала спать, потому что боялась, что он войдёт ночью. Он бил меня за то, что я смотрю не в ту камеру. Он бил меня за то, что я улыбнулась оператору. Он бил меня просто потому, что у него было плохое настроение. Но перед публикой он всегда был ангелом - целовал меня в щёчку, называл «моей девочкой». И все думали, что у нас идиллия.

Саманта вытерла глаза тыльной стороной ладони, злясь на слёзы.

- Я решила сбежать, когда он сказал, что хочет ребёнка. Чтобы «скрепить наш союз». Я поняла, что если рожу от него, то никогда не вырвусь. Я украла ключи от его яхты - той самой «Афродиты», - дождалась, когда он уедет на съёмки, и просто уплыла. У меня не было карты, не было плана. Я знала только, что мне нужно быть как можно дальше. Я плыла два дня, а потом меня накрыл шторм. Дальше ты знаешь.

Она замолчала, глядя в пол. Том медленно выдохнул - так, будто задерживал дыхание всё это время.

- Сколько раз он тебя ударил? - спросил он тихо, почти беззвучно.

- Я перестала считать после сотого, - ответила она с горькой усмешкой. - Сначала я вела дневник синяков, чтобы потом подать в суд. Но он нашёл его и сжёг. Сказал, что если я кому-то расскажу, он уничтожит меня репутационно. А у меня ничего не было, кроме репутации.

Том встал. Он подошёл к столу, взял свой планшет, что-то быстро набрал. Затем развернул экран к ней.

- Саманта, - сказал он ровно, но с металлом в голосе. - Посмотри на это.

Она посмотрела. На экране горел заголовок крупными буквами: «ЗВЕЗДА ТОК-ШОУ СЭММИ ХОЛЛ ПОГИБЛА В КОРАБЛЕКРУШЕНИИ. ПРОДЮСЕР ДЖЕФФРИ БЛЭК-ВУД РАЗБИТ ГОРЕМ».

Ниже - фотография: Джеффри в чёрном костюме, стоит у причала, держит её фото, лицо искажено скорбью, по щекам

текут настоящие слёзы. Он прижимает руку к сердцу, рядом - полицейские, журналисты. Текст гласил: «Тело не найдено, но судно разбито в щепки. Блэквуд заявил, что потерял любимую женщину и свою музу. Он объявил о создании фонда имени Сэмми для помощи жертвам насилия. Вся страна скорбит».

Саманта не верила своим глазам. Она перечитала заголовок раз, второй. Затем её руки задрожали.

- Это... это же вчерашняя публикация? - спросила она, не поднимая головы.

- Сегодня утром, - ответил Том. - Я проверял новости, когда генераторы штормило. Афина отслеживает все упоминания об острове и о... потенциальных угрозах. Я увидел это и не знал, как тебе сказать. Но ты должна была увидеть.

Саманта вскочила. Она заходила по кабинету, сжимая кулаки.

- Он... он делает из меня мученицу! Он плачет на камеру! Он создаёт фонд! Сволочь! Он же сам меня и убил! Он вышвырнул меня за борт, когда я сказала, что уйду! Я видела его глаза - он хотел, чтобы я сдохла! А теперь он собирает на мне деньги и завоёвывает симпатии зрителей!

Она остановилась, прижав ладони к лицу. Плечи её тряслись.

- Я не могу вернуться. Он объявил меня мёртвой. Если появлюсь, он скажет, что это самозванка, что я пиарюсь на его горе, что я психопатка. Он перекрутит всё. Он всегда

так делает. У него все связи, все адвокаты, все журналисты в кармане.

Том подошёл к ней. Медленно, чтобы не спугнуть. Остановился в шаге, не касаясь.

- Саманта, - сказал он твёрдо. - Ты жива. Это факт. А то, что он врет, - тоже факт. У меня есть ресурсы, чтобы это доказать. Мои юристы, мои технологии, моя репутация - я могу уничтожить его за одну пресс-конференцию. Но только если ты готова.

Она опустила руки и посмотрела на него. Глаза красные, но в них уже не было паники. Только ярость и холодная решимость.

- Ты правда сделаешь это? - спросила она. - Ты, который прячешься от людей, выйдешь в свет ради меня?

- Ради тебя - да, - ответил он без колебаний. - Но я должен знать: ты готова идти до конца? Потому что если мы начнём эту войну, назад дороги не будет. Ты либо разрушишь его до основания, либо он уничтожит тебя окончательно.

Она шагнула к нему и, в отличие от прошлого раза, не для поцелуя. Она просто взяла его руку и сжала.

- Я устала быть жертвой, Том. Я устала прятаться. Если ты готов быть моим союзником, то я готова биться. И пусть он рыдает в своих интервью. У меня есть ты. И это больше, чем у него когда-либо было.

Шторм снаружи затих совсем. В наступившей тишине слышно было только их дыхание и далёкий шум прибоя. Том

кивнул, отпустил её руку и взял планшет обратно.

- Тогда завтра утром мы начнём планировать. А сейчас, - он сделал паузу и почти улыбнулся, - иди спать. Завтра будет тяжёлый день.

Саманта хмыкнула, но в глазах уже блеснул озорной огонёк.

- Ты так и не ответил на мой вопрос, - напомнила она. - Ты pomoжeшь мне?

- Я уже помогаю, - сказал он, глядя на неё с той самой тёплой серьёзностью. - Просто я делаю это не так, как ты ожидала. Сначала - правда. Потом - чувства. Так будет правильно.

Она кивнула, развернулась и пошла к двери. Уже на пороге она обернулась:

- Том... ты не боишься, что если я разрушу его, то стану такой же жестокой?

Он покачал головой.

- Ты не можешь стать жестокой, Саманта. Ты слишком долго была доброй вопреки всему. Иди. Я буду здесь.

Она вышла, а он остался стоять у окна, глядя, как океан успокаивается. Планшет с новостью всё ещё горел, но он уже знал, что с этим делать. Впервые за пять лет у него появилась цель, которая не была связана с прошлым. Она была живой, настоящей и стояла прямо перед ним.

Ты-моя случайность

Миллитина

<https://litnet.com/shrt/eHTS>

Она не спала. Всю ночь лежала на спине, глядя в потолок, где по стеклянным граням скользили отблески утихающего океана. В голове крутились заголовки. Его слёзы на камеру. Его голос, который она знала наизусть - вкрадчивый, медовый, ядовитый. Он плакал. Этот человек, который пять лет выбивал из неё слёзы кулаками, вдруг стал главным скорбящим страны. Она сжала подушку до хруста пальцев и тихо, беззвучно завывала в неё, чтобы стены не слышали.

К утру шторм окончательно стих. Небо за окнами стало бледно-голубым, словно ничего не случилось. Саманта встала, натянула ту же футболку и пошла в кабинет. Она знала, что он там. Том всегда был там - у окна, с планшетом, с кофе.

Она вошла без стука. Он сидел за столом, но вместо графиков перед ним лежал открытый ноутбук, и на экране горело лицо Джефффри - видео с похоронной пресс-конференции. Том поднял глаза, выключил звук и молча указал на стул напротив.

- Смотри, - сказал он коротко. - Это вчерашняя запись. Он объявил, что завещает весь доход от фонда на помощь жертвам домашнего насилия. Назвал это «Наследием Сэмми».

Саманта села, вгляделась в знакомое лицо. Джефффри выглядел измождённым - тёмные круги, небритость, он едва сдерживал слёзы. Она знала его гримёрку. Знала, что он мо-

жет плакать по команде и что эти круги он рисует за пять минут специальным карандашом. Но люди верили.

- Он играет в святого, - сказала она с мертвенной улыбкой.
- Он всегда играет.

- У меня есть кое-что, - Том подвинул к ней планшет. - Запись с камер порта в ту ночь. Его яхта вышла в море за два часа до того, как на неё налетел шторм. Но я проверил метеосводки - в ту ночь не было шторма в радиусе двухсот миль. Он инсценировал аварию, Саманта. Он сам уничтожил яхту. Или приказал.

Она уставилась на данные. Кровь зашумела в ушах.

- Он хотел убить меня, - прошептала она. - Он не просто выбросил за борт. Он взорвал судно, чтобы замести следы.

- Скорее всего, - кивнул Том. - У меня есть юристы, которые готовы взять это дело. Но им нужны твои показания. Прямой эфир. Лицом к лицу.

- Прямой эфир? - она побледнела. - Ты хочешь, чтобы я вышла на всю страну и сказала, что я жива? Что он - убийца? Он перекрутит всё. Скажет, что я сумасшедшая, что я ищу славы, что я инсценировала свою смерть ради пиара.

- Я знаю, - Том встал, обошёл стол и сел на край, прямо перед ней, так что их колени почти соприкасались. - Поэтому я пойду с тобой. Сяду рядом. И каждый, кто попытается сказать, что ты врешь, увидит моё лицо. Компанию «Эдем-Тех» знают все. Меня никто не сможет обвинить в сговоре с актрисой.

Она подняла на него глаза. В них плескалась такая смесь надежды и страха, что у него сжалось сердце.

- Ты выйдешь из тени ради меня? - спросила она, и голос её дрогнул. - Ты, который прятался пять лет, который ненавидит камеры и журналистов, сядешь рядом со мной и будешь смотреть в объектив?

- Да, - ответил он без паузы. - Потому что я больше не могу прятаться. Ты научила меня, что жить - значит дышать громко, спорить, падать и подниматься. Я устал быть призраком. Если я буду с тобой - я стану живым.

Она смотрела на него, и в груди что-то оборвалось. Не боль. Оковы. Те самые цепи, которые Джеффри ковал пять лет, вдруг лопнули со звоном. Она вскочила, подошла к нему вплотную и упёрлась ладонями в его грудь, чувствуя, как бьётся его сердце.

- Ты понимаешь, что я - это хаос, да? - сказала она, пытаясь улыбнуться, но вышло криво. - Я буду орать, плакать, ломать мебель. Я буду сомневаться каждую минуту. Я буду проверять твою почту и перечитывать твои смс. Я не умею доверять. Я сломана.

- Я тоже сломан, - он поднял руку и коснулся её щеки, осторожно, как будто трогал огонь. - Но мы можем собрать себя заново. Не идеально. Не как было. А как получится. Вместе.

Она закрыла глаза, чувствуя тепло его пальцев. Слёзы потекли сами - не истерично, а тихо, облегчённо, словно дол-

гий гнойный нарыв наконец-то прорвался.

- Я боюсь, - прошептала она. - Не его. Я боюсь, что если я начну эту войну, то стану такой же жёсткой, как он. Что я убью в себе ту слабую Сэмми, которая умела прощать. И мне её будет не хватать.

Том притянул её к себе, обнял крепко, уткнувшись носом в её волосы.

- Ты не станешь им, - сказал он в макушку. - Потому что ты плачешь от того, что можешь потерять себя. А он плачет только от того, что может потерять зрителей. Это разные вещи.

Она подняла голову, их глаза встретились. И в этот раз она не спрашивала разрешения. Она потянулась к нему и поцеловала сама - не дерзко, не солёно, а по-настоящему глубоко, вкладывая в этот поцелуй всю свою боль, все свои страхи и всю отчаянную благодарность. Он ответил - не сдержанно, не почтительно, а крепко, жадно, с рычанием, которое родилось где-то в груди. Он прижал её к себе так, что она почти перестала дышать, но это был тот самый воздух, которого ей не хватало всю жизнь.

Она оторвалась первая, тяжело дыша, и положила ладонь ему на щеку.

- Значит, - сказала она с вызовом, в котором дрожала надежда, - мы вдвоём против всего мира. Ты - мой берег. Я - твой шторм. Это не будет идеальная любовь, Том. Это будет битва.

- Я готов биться, - ответил он, глядя на неё с такой силой, что у неё подкосились ноги. - Только не исчезай. Обещай мне. Не исчезай, как они.

Она взяла его руки в свои и сжала.

- Обещаю, - сказала она. - Но ты тоже обещай: если я решу бежать из страха - догони меня. Не дай мне снова стать тенью.

- Обещаю, - выдохнул он.

Она улыбнулась сквозь слёзы. Первая настоящая улыбка, которую она не играла. Она взяла его ноутбук, открыла новый документ и написала крупно:

«План уничтожения Джеффри Блэквуда».

- Давай, - сказала она, глядя на Тома с огнём в глазах. - У нас есть один день, чтобы придумать, как заставить его признаться. И я хочу, чтобы в конце этого плана было слово «свобода».

Том усмехнулся - впервые за пять лет по-настоящему, с теплом и озорством.

- Свобода, - повторил он. - И завтрак. Сначала завтрак, а потом свобода.

Она рассмеялась - звонко, искренне, перекрывая шум океана за окном. И в этом смехе не было ни капли фальши.

Они пошли на кухню. Робот-официант уже ждал, но они сели за стол сами, бок о бок, касаясь коленями, переплетая пальцы под столешницей. За стеклом - новый день. Без шторма. Без страха. Только двое, которые решили, что про-

шлое больше не будет их держать.

- Том, - сказала она, когда он наливал ей сок. - Спасибо, что не дал мне утонуть.

Он поднял стакан, будто тост.

- Ты не тонешь, Саманта. Ты просто учишься плавать по-новому. И я буду рядом, пока ты не согласишься в это сама.

Она чокнулась с ним и сделала глоток.

- Тогда начнём, - сказала она твёрдо. - Война. Наша война.

И в её глазах он увидел ту самую непокорную искру, из-за которой влюбился в неё. Одичавшую, яростную, неубиваемую.

Они просидели за столом три часа. Планшет, ноутбук, распечатки - всё было усеяно схемами, хронологией, записями. Том набрал своих юристов, шефа службы безопасности «Эдем-Тех» и даже пару знакомых журналистов, которым доверял. Саманта сидела рядом, вчитываясь в каждое слово контрактов, которые Джефффри заставлял её подписывать. Её пальцы дрожали, когда она указывала на пункт о «полной передаче прав на личный образ».

- Он обобрал меня до нитки, - сказала она, отодвигая бумагу. - У меня нет ни цента, кроме тех денег, что были на моей карте - и их он заблокировал. Я банкрот.

Том накрыл её руку своей.

- Ты - не банкрот, - сказал он твёрдо. - Ты - владелица эксклюзивного контента, который называется правда. И это стоит дороже, чем все его фонды.

- Ты серьёзно? - она усмехнулась, но глаза были влажными. - Ты говоришь, что моя исповедь стоит денег?

- Твоя исповедь стоит свободы, - поправил он. - А свобода - это самое дорогое, что у нас есть.

Она сжала его пальцы и выдохнула.

Затем встала, подошла к окну и упёрлась ладонями в стекло. Океан был спокойным, бирюзовым, обманчиво мирным.

Где-то там, за горизонтом, Джефффри сейчас сидит в своей

студии, улыбается операторам, пьёт кофе из своей любимой кружки и притворяется скорбящим вдовцом. От этой мысли в груди вскипала такая злость, что она едва сдерживалась.

- Когда? - спросила она, не оборачиваясь. - Когда мы это сделаем?

Том подошёл сзади, встал так близко, что его дыхание касалось её волос.

- Завтра, - сказал он. - У нас есть запись твоего показания, которую Афина зашифровала. У нас есть видео из порта. У нас есть три независимых эксперта, которые подтвердят, что яхта была уничтожена взрывным устройством, а не штормом. И у нас есть ты - живая, говорящая, готовая смотреть в камеру.

- Завтра - это слишком быстро, - выдохнула она.

- Завтра - это поздно, - возразил он. - Ты знаешь, что если мы промедлим, он найдёт способ сделать так, чтобы твоё возвращение выглядело как фальшивка. Он уже сейчас нанимает адвокатов, чтобы объявить любого, кто назовётся Самантой Холл, мошенником.

Она резко развернулась и уткнулась носом в его грудь.

Том обнял её, и она почувствовала, как под его ладонями перестаёт трястись.

- Боюсь, - прошептала она. - Я не боюсь его. Я боюсь, что когда я увижу его лицо, я развалюсь.

- Ты не развалишься, - он отстранил её, взял за подбородок и заставил посмотреть в глаза. - Ты будешь стоять, по-

тому что я буду стоять рядом. Если ты упадёшь - я подхвачу. Если ты замолчишь - я заговорю. Но ты будешь говорить, Саманта. Ты будешь говорить громко, потому что твой голос - это единственное оружие, которое он не может у тебя отнять.

Она прикрыла глаза, вдыхая его запах. И в этот момент она почувствовала, что действительно готова.

Следующие сутки пролетели как один миг. Они репетировали. Саманта стояла перед зеркалом и проговаривала фразы, которые должны были прозвучать в эфире. Том сидел сбоку и корректировал интонацию, учил её не сбиваться на плач, не кричать, а говорить ровно и жёстко.

- Ты слишком эмоциональна, - сказал он, останавливая запись.

- А как иначе? – вспыхнула она. – Он избивал меня пять лет!

- Я знаю, - терпеливо сказал Том. – Но если ты будешь кричать, зрители подумают, что ты истеричка. Если ты будешь плакать – они скажут, что ты играешь. Ты должна быть холодной, как лёд, когда рас

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.